

В. В. МАЙКО

ГОРОДСКОЙ НЕКРОПОЛЬ СУДАК-II НА ПОСАДЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СУГДЕИ

Одним из важных источников по истории Крымского средневековья являются плитовые некрополи. Они являются наиболее характерной особенностью христианского погребального обряда на полуострове [1, с. 155-168; 2, с. 106-109; 3, с. 175, рис. 1; 4, с. 121-134]. Одним из районов наибольшего сосредоточения плитовых могильников в юго-восточном Крыму считается Судакская долина. Тут в разные годы раскопано целиком или частично 27 различных по величине некрополей, так или иначе связанных со средневековой Сугдеей.

Среди этих некрополей М. А. Фронджуло лучше всего был исследован могильник Судак-II. Однако среди почти 300 раскопанных могил практически ни одна полностью не была введена в научный оборот. Все это заставляет вновь обратиться к его материалам. Эту работу мы с И. А. Барановым планировали осуществить еще 12 лет назад, но в то время так и не удалось завершить разбор материалов. Для этого были и объективные трудности. Отчет о раскопках некрополя не составлялся, погребальный инвентарь не был вовремя передан, оказался разобщенным по фондам нескольких музеев, частично утерян и перепутан. В последние годы мне удалось собрать весь сохранившийся погребальный инвентарь и сопоставить его с конкретными захоронениями. Результаты проведенной работы предлагаются вниманию читателей.

Некрополь расположен на продолговатой отдельно стоящей возвышенности, являющейся одним из самых южных отрогов г. Перчем (рис. 1). Она расположена к западу от основных корпусов пансионата «Львовский железнодорожник». Вероятно, впервые некрополь был обнаружен разведками В. П. Бабенчикова в 1953 г. Тогда же на самом холме и у его подножия было исследовано 9 плитовых

захоронений¹. Наибольший интерес представляла могила № 5, расположенная под плитовым захоронением № 4. Погребение оказалось грунтовым, перекрытым поперечными можжевелевыми плитами. Захоронение было совершено в вытянутом положении, кисть правой руки располагалась под тазом, левой – на поясе. На поясе была обнаружена бронзовая пряжка, а возле левого бедра – железный нож². Типологически близкие пряжки обнаружены среди погребального инвентаря Скалистинского могильника и датируются не позднее второй половины VII в. [3, с. 217, рис. 38,15,17]. Обнаруженная пряжка носит следы ремонта, производившегося в древности, что предполагает длительный период ее использования. Масштабные охранные раскопки некрополя были начаты в сентябре 1964 г. М.А.Фронджуло. С перерывами, работы продолжались до декабря 1966 г. [5, с. 147-150]. Последние исследования памятника были проведены И.А.Барановым и В.Г. Туром в 1982 г., открывшими еще 12 захоронений (рис. 1). Всего исследовано 284 плитовых и грунтовых могил IX–XVIII вв.³ (рис. 2-4).

По вопросу о времени и причинах появления плитовых могил в Таврике существует несколько точек зрения⁴. В русле концепции М. А. Фронджуло, подобный обряд захоронения был унаследован местным населением от погребальных традиций позднеантичного Боспора [5, с. 150]. Такого же мнения придерживается и О. А. Махнева [1, с. 166-168]. И. А. Баранов считал главной причиной появления в Крыму плитовых могил иконопочитательскую эмиграцию малоазийских греков в середине VIII в. Появление плитовых могил на Боспоре он относил к VII в., а в материалах южнобережных памятников – не ранее середины VIII в. [6, с. 151-161; 2, с. 108]. Наиболее обоснованная точка зрения была высказана А. И. Айбабиным и поддержана другими исследователями, считающими причиной появления в Крыму плитовых могил с середины VI в. как проникновение греческого населения после включения Таврики в состав Византийской империи, так и естественную христианизацию местного населения [3, с. 69; 4, с. 121-134]. А. И. Айбабин обоснованно считает, что появление плитовых могил на Боспоре следует относить к середине VI в., а на южнобережье – ко второй половине VII в. [4, с. 129]. Совершенно очевидно, что их использовали представители всех этнических групп.

¹ У В. П. Бабенчикова эти группы погребений рассматривались как отдельные некрополи Судак-II и Судак-III.

² В публикации И. А. Баранова они ошибочно отнесены к погребальному инвентарю некрополя на г. Ай-Георгий [7, с. 148, рис. 2,15,18].

³ Как уже отмечалось, раскопки некрополя на протяжении всех трех лет носили охранный, а, вернее, аварийный характер, что не могло не сказаться на качестве работ. Описания погребальных сооружений сохранились только в дневниковых записях автора исследований. Состав погребального инвентаря в некоторых случаях установить сложно, стратиграфические разрезы участков исследований не производились.

⁴ Более подробно эта дискуссия рассмотрена в работах И. А. Баранова [2, с. 106-109] и А.И. Айбабина [4, с. 128-130].

Попытки создания классификации плитовых могил по конструктивным особенностям, предпринятые как отечественными, так и зарубежными исследователями [1, с. 165-167; 8, р. 180-181], не позволяют в настоящее время выделить устойчивых ни конструктивных, ни хронологических серий. Проникнув на территорию полуострова в уже сформировавшемся виде, обряд погребения в плитовых могилах оставался практически неизменным на протяжении всей эпохи средневековья. Единственным путем хронологического членения этого типа погребальных сооружений остается сопоставление конструктивных особенностей погребального сооружения и обнаруженного в них погребального инвентаря. При этом совершенно очевидно, что морфологически разные плитовые захоронения могли сосуществовать в один хронологический промежуток времени. Необходимо, естественно, учитывать и косвенные данные: характер взаимного расположения могил (перекрытие, пристройки, вторичное использование и т.п.) и месторасположение на территории могильника.

Для выяснения конструктивных особенностей погребальных сооружений и реконструкции погребального обряда приведем короткое описание всех исследованных плитовых могил некрополя⁵.

Могила 4 – с полукружием в западной части. Северная стенка сложена из массивной сланцевой плиты, южная – из камней, положенных на более мелкие, образующие кладку. Погребенные располагались, вероятно, двумя ярусами – по два в каждом. Инвентарная. *Могила 6* – сложена из песчаниковых плит, на которые положены необработанные сланцевые камни для последующих захоронений. Обнаружено не менее 4 разрушенных костяков. *Могила 7* – сложена из плит и блоков необработанного и обработанного сланца в один ряд. *Могила 8* – гробница, сложена на извести, стенки оштукатурены. Сохранилось одно наиболее позднее захоронение, кости предыдущих сложены в восточной части погребального сооружения. *Могила 9* – ладьевидной формы, сложена на извести и оштукатурена изнутри. В западной части дополнена 1-2 рядами мелких сланцевых камней для повторных погребений. Здесь же обнаружена и архитектурная деталь из храма. Двое погребенных располагались в два яруса. Инвентарная. *Могила 10* – образована тонкими длинными плитами сланца, на которые поставлены сланцевые плитки для последующего погребения. Трое погребенных располагались в три яруса. *Могила 11* – детская, образована крупными плитами и камнями. *Могила 13* – с полукружием в головах. Сохранилось наиболее позднее

⁵ Для краткости описания могилы специально не оговариваются: а) прямоугольная конструкция сооружения, б) одиночные захоронения, в) положение костей рук, как не существенное при устоявшемся христианском обряде погребения, г) перечисление и местоположение погребального инвентаря, данное при его анализе ниже. 39 полностью разрушенных плитовых могил, 9 из которых содержали погребальный инвентарь, здесь не упоминаются. К тому же, по материалам этого и других городских некрополей Судеи готовится подробная монография.

погребение, кости предшествующего сдвинуты к южной стенке. *Могила 14* – детская, разрушена, с закруглениями в ногах и, очевидно, в головах. *Могила 15* – детская, образована плитами сланца. Инвентарная. *Могила 16* – образована обработанными и необработанными плитами сланца. Два костяка расположены в два яруса. Инвентарная. *Могила 17* – детская, образована небольшими блоками сланца с незначительным закруглением юго-западного и северо-восточного углов. Три костяка располагались в два яруса. Инвентарная. *Могила 18* – с небольшим сужением в ногах, образована блоками известняка. *Могила 19* – образована обработанными плитами сланца. Три костяка располагались в два яруса. Инвентарная. *Могила 25* – с полукружием в головах. Двое погребенных расположены в два яруса. *Могила 27* – детская, трапециевидной формы, зафиксирована подсыпка из морского песка. Инвентарная. *Могила 28* – с полукружием в западной части. Обнаружены фрагменты 6 костяков, располагавшихся один под одним. Инвентарная. *Могила 29* – образована сланцевыми плитами. *Могила 30* – с полукружием в головах. Погребенных три, костяки перемешаны. Инвентарная. *Могила 35* – ладьевидной формы, образована обработанными блоками известняка. Двое погребенных располагались двумя ярусами. Инвентарная. *Могила 37* – образована блоками известняка. *Могила 38* – детская, разрушена. На дне зафиксирована подсыпка из углей. *Могила 39* – образована частично обработанными плитами сланца. *Могила 42* – с полукружием в западной части, суженная в ногах. Кладки стен доложены плитками сланца для последующих захоронений. Не менее пяти погребенных расположены в пять ярусов. Инвентарная. *Могила 43* – плитовая, с полукружием в западной части, несколько суженная в ногах. Доложена камнями сланца для последующих захоронений. Захороненных не менее шести. Сохранилось наиболее позднее погребение, предшествующие разбросаны по всей погребальной камере. *Могила 44* – поздняя, трапециевидной формы, образована плитами сланца, в том числе и византийским надгробием. *Могила 45* – ладьевидной формы, образована симметричными обработанными блоками песчаника. Пять погребенных расположены в пять ярусов. Инвентарная. *Могила 46* – слегка сужена в ногах, образована блоками песчаника, в том числе с прочерченной тамгой. Два костяка располагались в два яруса. *Могила 47* – с закруглением в восточной части. *Могила 51* – ладьевидной формы, образована плитами сланца и блоками песчаника. Погребенных не менее трех, кости перемешаны. Инвентарная. *Могила 52* – образована плитами сланца средних размеров, в том числе византийским надгробьем. Не менее четырех погребенных расположены в два яруса. *Могила 55* – образована равномерными блоками обработанного песчаника на извести. *Могила 57, 58* – парная, образована равномерными блоками обработанного песчаника на извести. Инвентарная. *Могила 62* – детская, с полукружием в головах. Двое погребенных расположены в два яруса. Инвентарная. *Могила 63* –

образована равномерными обработанными блоками песчаника на извести, слегка сужена к ногам. Двое погребенных расположены в два яруса. *Могила 72* – образована равномерными обработанными блоками песчаника на извести. Двое погребенных расположены в два яруса. *Могила 73* – детская, с небольшими закруглениями в западной и восточной частях. *Могила 74* – с закруглением в западной части. Сложена в пять рядов на известковом растворе и оштукатурена изнутри, разрушена. Инвентарная. *Могила 75* – образована обработанными блоками песчаника на извести. Погребение парное. *Могила 76* – разрушена. Перекрыта плитами, под которыми расположено деревянное перекрытие, доходившее до колен погребенного. *Могила 79* – парная, образована блоками обработанного песчаника на извести. *Могила 80* – парная, с полукружием в западной части. *Могила 81* – детская, образована блоками песчаника. *Могила 82* – образована длинными плитами сланца. Погребенных не менее четырех. Сохранилось наиболее позднее погребение. Три разрушенных костяка образуют нижний ярус. *Могила 85* – образована плитами сланца. Двое погребенных расположены в два яруса. *Могила 87* – с полукружием в западной части, разрушена. *Могила 88* – с полукружием в западной части. *Могила 89* – подпрямоугольной формы, образована блоками песчаника и плитами сланца. *Могила 90* – с полукружием в западной части. *Могила 91* – разрушена. Не менее трех погребенных расположены в три яруса. Инвентарная. *Могила 92* – сложена из равномерных обработанных блоков песчаника. Инвентарная. *Могила 93* – с полукружием в западной части. Инвентарная. *Могила 94* – трапециевидной формы, сложена из плит песчаника и сланца. Двое погребенных расположены в два яруса. *Могила 95* – с полукружием в западной части. *Могила 101, 100* – сдвоенное захоронение с полукружиями в западной части, сложенное из блоков песчаника на известковом растворе. Остатков костяков не обнаружено. Инвентарная. *Могила 102* – сложена из плит сланца, пристроена с южной стороны к сдвоенной могиле 100, 101. *Могила 104* – образована блоками песчаника разной толщины. Возле черепа последнего захоронения расположены три черепа от предшествующих погребений. Инвентарная. *Могила 105* – детская, сложена из обработанных и необработанных блоков песчаника. *Могила 106* – ладьевидной формы, образована каменными блоками песчаника. Погребенных – не менее пяти, два последних образуют два яруса, третий ярус – разрозненные костяки от предшествующих погребений. *Могила 112* – детская, трапециевидная. Обложена черепицей. *Могила 114* – с полукружием в головах, образованным монолитным полукруглым блоком, сложена из обработанных блоков песчаника. Длинные стенки в западной части доложены плитками сланца для последующих погребений. Костяки разрушены. Инвентарная. *Могила 116* – образована блоками песчаника. Один из камней обкладки является архитектурной деталью (карниз). Инвентарная. *Могила 117* – образована плитами сланца. Костяк разрушен. *Могила*

118 – образована небольшими плитами сланца. Двое погребенных расположены в два яруса. *Могила 119* – детская, ромбовидной формы. Костяк сильно разрушен. *Склеп 1* – образованный обработанными блоками песчаника в 5 рядов на извести. Остатков первоначально погребенных не обнаружено. Внутри склепа расположены четыре разновременных плитовых могилы №№ 121-123 и 147. *Могила 121* – детская, сложена из камней сланца. Костяк сильно разрушен. *Могила 123* – ладьевидной формы, сложена из камней сланца. Костяк разрушен. Инвентарная. *Могила 126* – образована обработанными блоками песчаника разных размеров. В районе черепа последнего погребенного обнаружены еще три разрушенных черепа первоначально захороненных. *Могила 128* – образована тонкими плитами сланца, несколько сужается в восточной части. Костяк разрушен. *Могила 129* – погребение подростка, разрушено. Инвентарная. *Могила 130* – с полукружием в западной части. Не менее трех погребенных расположены в два яруса. *Могила 131* – с полукружием в западной части. В районе черепа последнего погребенного обнаружены два черепа предшествующих захороненных. *Могила 133* – образована обработанными блоками песчаника на известковом растворе, сужена к ногам. Инвентарная. *Могила 134* – овальной формы, образована обработанными блоками песчаника средних размеров. Возле черепа позднего захоронения расположены два черепа от предшествующих. Инвентарная. *Могила 135* – образована крупными блоками обработанного песчаника. *Могила 136* – образована обработанными и необработанными блоками и плитками сланца. В районе черепа последнего погребенного и между его ног располагались три черепа первоначально погребенных. *Могила 138* – образована обработанными блоками песчаника. Перекрытием являлись деревянные плахи. *Могила 139* – ладьевидной формы, сложена разнокалиберными блоками сланца и песчаника, сильно разрушена. Двое погребенных расположены в два яруса. *Могила 140* – образована крупными обработанными блоками песчаника, блок в головах имеет специально выдолбленный полукруг. *Могила 141* – склеп прямоугольной формы. Сложен из камней сланца и плит песчаника на известковом растворе. В заполнении обнаружено не менее 11 черепов и отдельные разрозненные кости. Инвентарная. *Могила 143* – образована обработанными блоками песчаника, в ногах немного сужена. Погребенных два, первоначальный костяк сдвинут к южной стенке. *Могила 146* – с небольшим полукружием в западной части, сложена из обработанных блоков песчаника. Стенки доложены плитами сланца для последующих захоронений. Костяки разрушены. Инвентарная. *Могила 148* – с полукружием в головах, разрушена. *Могила 149* – овальной формы, суженая в ногах. *Могила 151* – образована тонкими плитами сланца. Костяки разрушены. Инвентарная. *Могила 154* – с полукружием в западной части. *Могила 161* – слегка суженая в ногах, образована крупными обработанными плитами песчаника. В районе черепа первоначального погребенного и возле его таза зафиксированы черепа четырех

ранее погребенных, а под костяком отдельные разрозненные кости. Инвентарная. *Могила 164* – ладьевидной формы, образована обработанными равномерными блоками песчаника. Двое погребенных расположены двумя ярусами. *Могила 170* – сужена в ногах. Костяки разрушены. Инвентарная. *Могила 171* – сужена в ногах. Захороненных два, кости первоначально погребенного частично сдвинуты к южной стенке. *Могила 172* – с полукружием в западной части. Погребенных двое, северный костяк сдвинут к северной стенке могилы. Инвентарная. *Могила 173* – детская, образована блоками песчаника и сланца. *Могила 174* – с полукружием в западной части. Костяк разрушен. Инвентарная. *Могила 175* – сложена из блоков песчаника. Костяк разрушен. *Могила 176* – перекрыта деревянными плахами. Двое погребенных расположены двумя ярусами. Инвентарная. *Могила 186* – трапециевидной формы, частично разрушена. *Могила 187* – с полукружием в западной части, сложена из камней сланца на известковом растворе, изнутри оштукатурена. Коллективное захоронение, погребенных не менее четырех, образующих, вероятно, четыре яруса. Инвентарная. *Могила 193* – детская, сложена из блоков песчаника, блок в изголовье с искусственным полукружием. *Могила 194* – сужена в ногах, с закругленным юго-западным углом, сложена из блоков песчаника и сланца. *Могила 195* – сложена из блоков песчаника, сужена в ногах и головах. *Могила 198* – сложена из блоков песчаника. Костяк разрушен. *Могила 199* – овальной формы, образована поставленными вертикально блоками песчаника. Сверху они доложены несколькими плитками сланца для последующих погребений. В районе черепа костяка первого яруса зачищено еще два черепа от предшествующих захоронений. Второй и третий ярусы – одиночные погребения. Инвентарная. *Могила 200* – образована блоками песчаника. Не менее трех погребенных расположены тремя ярусами. *Могила 201* – склеп под храмом. Стены сложены на глине из бута и плит песчаника, а коробовый свод – из обработанного местного известняка на известковом растворе. Справа и слева от входа в склеп располагались лежанки. Стенки дромоса сложены техникой кладки «в елку». Первый ярус составляли два костяка, расположенные вдоль северной и южной стенок погребального сооружения. Под ними зачищены остатки шести и семи погребенных. Кости перемешаны. Второй ярус составляли перемешанные группы костяков, располагавшиеся вдоль южной и северной стенок погребального сооружения. Первоначальный ярус составляло расположенное в центре погребение. Справа и слева обнаружено не менее 80 костяков. Инвентарная. *Могила 202* – детская, парная, с полукружием в западной части. Инвентарная. *Могила 208* – детская, сужена в восточной части. *Могила 211* – детская, сужена в ногах, образована крупными блоками песчаника. Костяк разрушен. Инвентарная. *Могила 212* – несколько сужена в ногах и головах, образована блоками песчаника на известковом растворе. Двое погребенных расположены двумя ярусами. *Могила 215* – сложена из блоков сланца. Двое погребенных расположены двумя ярусами.

Инвентарная. *Могила 216* – гробница. Сложена из блоков песчаника и сланца на известковом растворе с элементами кладки «в елку». Первоначальное захоронение совершено на дне склепа в деревянном гробу. Выше зафиксировано два яруса захороненных. В дальнейшем использовалась как костница (обнаружено около 20 черепов). Инвентарная. *Могила 218, 219* – парная, сложена из блоков песчаника на известковом растворе и оштукатурена изнутри. В каждой могиле двое погребенных расположены двумя ярусами. Инвентарная. *Могила 221* – трапециевидной формы, перекрыта можжевельовыми плахами. Трое погребенных расположены в один ярус. *Могила 222* – образована обработанными и необработанными блоками песчаника и сланца. Инвентарная. *Могила 223* – сложена из блоков песчаника на известковом растворе, ладьевидной формы. Костяк не сохранился. *Могила 224* – сложена из равномерных блоков песчаника на известковом растворе. Некоторые камни профилированы. Костяк разрушен. Инвентарная. *Могила 227* – трапециевидной вытянутой формы, сложена из блоков песчаника и сланца. Блок северной стены, примыкающий к западной, является иудейским надгробием. Для последующих захоронений поверх блоков обкладки были положены плитки сланца. Двое погребенных расположены двумя ярусами. Инвентарная. *Могила 228* – образована длинными плитами сланца и отдельными камнями песчаника. *Могила 229, 230* – сдвоенная, трапециевидной формы. В головах, а в могиле 229 и в ногах, блоки имеют искусственное полукружие с внутренней стороны. В головах на внутренней стороне этих блоков вырезаны два креста с расширяющимися лучами. Погребение 229 – одинарное. В погребении 230 обнаружено три костяка, располагавшихся в два яруса. Инвентарная. *Могила 233* – детская, образована блоками сланца и песчаника. Камень обкладки южной стены, примыкающий к западной, является византийским надгробием. Инвентарная. *Могила 236* – с полукружием в западной части. Погребенных не менее четырех. Костяки сохранились частично. Инвентарная. *Могила 237* – образована блоками и плитами сланца. Погребенных двое. Предшествующий костяк сдвинут к северной стенке. Инвентарная. *Могила 240* – детская, сложена из блоков песчаника. Костяк разрушен. *Могила 241* – с неровным полукружием в западной части. Плиты перекрытия положены на известковом растворе. Двое погребенных расположены двумя ярусами. Инвентарная. *Могила 243* – ладьевидной формы, сложена из сырцовых кирпичей и перекрыта деревянными плахами. Двое погребенных расположены один на одном. *Могила 244* – немного сужена в ногах, образована равномерными блоками песчаника на известковом растворе. Трое погребенных расположены двумя ярусами. *Могила 245* – гробница, сложена из трех рядов, с полукружием в западной части. Последнее, вероятно, более позднего времени. Погребенных не менее пяти, расположены в несколько ярусов. Инвентарная. *Могила 246* – немного сужена в головах и ногах, сложена из блоков песчаника и сланца. Западную стенку

погребального сооружения образует архитектурная деталь. *Могила 247* – детская, разрушена. Возле черепа последнего погребенного – три черепа от предшествующих захоронений. *Могила 249* – с полукружием в западной части. Трое погребенных расположены тремя ярусами. *Могила 250* – с полукружием в западной части. Костяк разрушен, под ним – подсыпка из морского песка. *Могила 251* – с полукружием в западной части. *Могила 252* – с полукружием в западной части. Костяк разрушен. *Могила 253* – трапецевидной формы. На дне могилы два прямоугольных блока с пазами и каменный блок, расположенный по центру восточной стенки могилы. Погребенных не менее шести. Верхний ярус составляют два захоронения. Южный костяк сдвинут к стенке. От остальных костяков сохранились отдельные кости и фрагменты черепов. Погребения более поздние по отношению к первоначальному погребальному сооружению. Инвентарная. *Могила 254* – с полукружием в западной части. Костяки разрушены. *Могила 258* – прямоугольной формы, сложена из блоков песчаника. Костяк разрушен. *Могила 262* – сужена в ногах, образована тонкими массивными плитами сланца. Костяки разрушены. Инвентарная. *Могила 264* – с полукружием в западной части. Костяк разрушен. Под погребенным зафиксирована подсыпка из морского песка. *Могила 266* – с полукружием в западной части. Костяк разрушен. Под ним – подсыпка из морского песка. *Могила 267* – несколько сужена в ногах, образована длинными плитами сланца. *Могила 270* – с полукружием в западной части. Костяк разрушен. *Могила 271* – образована длинными массивными плитами сланца. На западной плите перекрытия могилы прочерчен крест. *Могила 273* – образована плитами сланца. *Могила 274* – ладьевидной формы, образована блоками песчаника. Блок песчаника в изголовье имеет с внутренней стороны полукружие. Не менее двух погребенных расположены в два яруса. Инвентарная. *Могила 275* – с симметричными полукружиями в западной и восточной части. Костяк разрушен. Инвентарная. *Могила 277* – образована блоками песчаника и сланца. Камень в изголовье имеет полукруг с внутренней стороны. Погребенных двое, взрослый и ребенок, расположены в один ярус. Инвентарная. *Могила 279* – сложена из длинных плит сланца. *Могила 280* – ладьевидной формы, сложена из блоков песчаника и массивных плит сланца. Костяк разрушен. Инвентарная.

Предваряя анализ погребального инвентаря некрополя, необходимо отметить, что он представлен, во-первых, украшениями, деталями костюма, вещами религиозного культа и некоторыми бытовыми предметами. Во-вторых, хронологически он не однороден. В-третьих, вещей, имеющих узкие временные рамки бытования, чрезвычайно мало. При описании традиционных категорий погребального инвентаря я придерживался схемы, предложенной А. И. Айбабиным [9, с. 167] для анализа долговременного крупного некрополя. Описание находок дается по тем категориям, которые имеют наиболее узкие даты бытования: украшения (браслеты, серьги и подвески, кольца и перстни, пуговицы-

подвески и бубенчики, бусы), детали костюма (пряжки, застёжки, пуговицы), бытовые предметы и культовые вещи.

Браслеты делятся на стеклянные (52 шт.), бронзовые (5 шт.), железные (1 шт.) и составные (1 шт.).

Документированные *стеклянные браслеты* обнаружены в 19 погребениях. Из них по одному браслету было в 6 погребениях (9, 21, 42, 82, 134, 151), по два – в 9 (16, 30, 146, 152, 216, 236, 245, 262, склеп № 1), три и более – в 4 (4, 136, 150, 227), причем три браслета из могилы 150 связаны с одним погребенным, семь браслетов из могилы 227 – с двумя погребенными, 8 и 10 браслетов из могил 4 и 136 – с одним погребенным. Эти две последние могилы, судя по погребальному инвентарю, были одними из наиболее богатых на некрополе.

Исходя из способа изготовления, все браслеты можно условно разделить на три основные группы. Первая, наиболее многочисленная, представлена гладкими прозрачными экземплярами. Орнаментация на них, по большей части, отсутствует или не сохраняется. Вторая – браслеты (9 шт.), изготовленные из матового стекла, в основном, полусферические или круглые. Почти на всех экземплярах присутствует орнамент. Чаще всего это сочетания спиралей, или спиралей и крестиков (склеп, могила 4), иногда с четырьмя точками (могила 227), разделенных несколькими вертикальными или закругленными линиями. Орнамент заключен в две параллельные линии по краям изделия. Исключение составляет широкий плоский браслет из могилы 4 со сложным орнаментом в виде спиралей, заключенных в окружности, соединенные по центру линией, которая по бокам украшена завитками. К этой группе можно отнести и круглый в сечении браслет, украшенный вплетенными чередующимися жгутами стекла из могилы 216 и сдвоенный крупный плоский браслет, украшенный стандартным орнаментом из могилы 4. Третью группу (5 шт.) составляют витые браслеты прозрачного стекла. По одному они обнаружены в могилах 4, 16, 262 и два – в погребении 227.

Эта категория украшений очень широко распространена на территории всей Восточной Европы [10, с. 106]. Ввиду отсутствия в материалах некрополя достаточного количества датирующих находок, стеклянные браслеты становятся своеобразным хронологическим ориентиром для членения групп захоронений могильника. Время появления стеклянных браслетов в Крыму определяется как вторая половина IX в. [11, с. 323; 12, с. 112; 13, с. 221] или рубеж IX–X вв. [14, с. 47]. Основанием для этого служат находки в комплексе с браслетами херсоновизантийских монет Василия I 867-886 гг., фрагментов высокогорлых кувшинов и стеклянных лампад. Необходимо отметить, что эти монеты могут с трудом считаться надежным хронологическим индикатором. Они встречаются и во второй половине X в. [15, с. 128-129]. Еще менее пригодны фрагменты высокогорлых кувшинов. Их морфологические показатели не являются хронологическими критериями, а в комплексах второй половины X в. юго-восточного Крыма они

значительно преобладают над импортной амфорной тарой [16, с. 43]. Сказанное справедливо и по отношению к стеклянным лампадам, широко известным и во второй половине X в. [17, с. 238, рис. 15]. В. В. Кропоткин указывал на то, что стеклянные браслеты появляются в Причерноморье только со второй половины X в. [18, с. 39]. С этим трудно не согласиться. По крайней мере, время появления стеклянных браслетов в юго-восточной Таврике приходится на 40-е гг. X в. Ни в праболгарских некрополях, ни в алано-готских склеповых могильниках стеклянные браслеты пока не встречены. Со второй половины X в. браслеты – массовая находка. В зольнике Судакской крепости их известно около 1000 фрагментов, что позволило даже предложить их типологическое членение [17, с. 237-238].

Сложнее определить верхнюю хронологическую границу существования браслетов. Что касается Сугдеи, то в материалах некрополя на участке куртины XV Судакской крепости, возникновение которого датируется второй половиной XIII в., стеклянные браслеты отсутствуют. В городских горизонтах Сугдеи первой половины XIII в. на территории квартала I Судакской крепости они встречены в виде отдельных мелких фрагментов. Вероятно, время их активного бытования ограничивается второй половиной XII в. [11, с. 316-323; 10, с. 106].

Бронзовых браслетов обнаружено пять. Два из них представлены уплощенными экземплярами с заостренными концами, происходящими из могил 82 (рис. 10,26) и 262. Подобные экземпляры VIII – первой половины X вв. известны в материалах Дмитровского [19, с. 114, рис. 60,1] и Скалистинского [9, с. 57, рис. 36,3, с. 19, рис. 9,26] некрополей. Исходя из того, что в обоих случаях браслеты обнаружены в одном погребальном комплексе со стеклянными, то в рамках XI – первой половины XII вв. они также существуют.

Третий браслет является детским, круглым в сечении, со слегка расширяющимся одним краем. Он происходит из первоначального заполнения погребального сооружения 141, не связанного с последующими погребениями (рис. 10,25). Поскольку склеп является одним из наиболее ранних сооружений некрополя и перекрыт погребениями, относящимися к XI – первой половине XIII вв. и более позднему времени, то и погребальный инвентарь его характерен для салтовских памятников полуострова. Четвертый браслет также детский и происходит из могилы 42 (рис. 10,30). Это подовальный по форме браслет, один из концов которого расклепан в виде прямоугольника и орнаментирован тремя «глазками» и точками. Типологически близкий экземпляр происходит из склепа на участке барбакана Судакской крепости [10, с. 105, рис. 3,8,13]⁶ и из средневековых захоронений Лучистинского некрополя [20, с. 222, табл. 55, 44]. Исходя из датировки погребальных комплексов в рамках XI – середины XII вв., этим же временем можно датировать и браслет. Сказанное подтверждает и монета

⁶ В публикации допущена неточность – номера 8 и 13 на подписях к рисунку соответствуют не двум, а одному и тому же браслету в разных видах.

Алексея I Комнина (1081-1118 гг.), обнаруженная в материалах Лучистинского некрополя. Последний браслет обнаружен в заполнении могилы 275 (рис. 10,34). Это витой экземпляр с застежками в виде крючка и петельки. Аналогии витым браслетам известны практически на всех средневековых памятниках Восточной Европы. Особенно часто они встречаются в древнерусских памятниках Среднего Поднепровья, где датируются в рамках XI–XII вв.

Составной браслет обнаружен в погребении 216 (рис. 10,28). Он состоит из веревочной или нитяной основы, на которую были надеты тонкие бронзовые пронизки и средние и мелкие бусины, одна из которых глазчатая. Одна мелкая уплощенная бусинка одета непосредственно на пронизку, к которой, в свою очередь, припаяна биконическая подвеска. В рамках погребального комплекса можно датировать такой своеобразный браслет XI – первой половиной XII вв.

В погребении 82 встречены фрагменты единственного *железного браслета*, типичного для средневековых памятников Восточной Европы.

Бронзовые *серьги* – одна из наиболее массовых находок в погребальном инвентаре некрополя. Обнаружены они в 42 могилах, от одного до 6 экземпляров. В подавляющем большинстве это парные проволочные височные кольца разных размеров и морфологии с разомкнутыми острыми или округлыми концами, иногда соединенными или заходящими один за другой. К этому типу относятся и две золотые серьги некрополя, обнаруженные в могилах 45 и 151. Аналогичных проволочных серег, имеющих замочек, встречено всего 7 (в могиле 129 их обнаружено 6, а в могиле 111 – 1). Проволочных серег, на которые надеты половинки металлических бусинок, встречено три: две в могиле 17 (рис. 10,11) и одна в захоронении 172, усложненная напаянным круглым металлическим шариком (рис. 10,8). В могиле 62 обнаружена серьга в виде проволочного экземпляра с надетой на него бусиной, который, в свою очередь, продет в обычную проволочную височную серьгу. В могилах 14 и 216 обнаружены бронзовые проволочные серьги с надетыми небольшими бусинами. В могиле 129 присутствует проволочная серьга с подвеской в виде бусины, сквозь которую продета бронзовая петелька. В погребении 216 обнаружено две серьги с подвеской в виде простого литого шарика (рис. 10,10). В могиле 245 найдено проволочное кольцо с припаянным шариком на вершине и серебряная витая сережка. Все указанные типы серег имеют очень широкие хронологические рамки существования.

Исключение составляют две парные крупные проволочные серьги с уплощенными концами и биконической пронизкой, состоящей из двух спаянных половинок. Обнаружены они в погребении 275 (рис. 10,16). В литературе утвердилось мнение об их степной половецкой принадлежности [21, с. 216; 22, с. 127]. Тем не менее, совершенно очевидно, что подобные серьги широко известны

и за пределами степи. В большом количестве они обнаружены, в частности, в Хорватии, где датируются XI–XII вв. [8, tabl. IX,5,6].

Бронзовые **перстни** обнаружены всего в 5 погребениях и склепе 17. В погребальном инвентаре склепа 1 на уровне его пола было обнаружено два бронзовых перстня. Один из них имеет высокий щиток, переходящий в двухлапчатую жуковину, и вставку из синего стекла (рис. 10,1), другой – высокую цилиндрическую жуковину, расчлененную ребром (рис. 10,2). Оба экземпляра, прежде всего, характерны для салтово-маяцких и гото-аланских древностей полуострова VIII–X вв. Аналогии им многочисленны, в том числе и за пределами полуострова, и не раз опубликованы. Типичен для периода второй половины IX – первой половины X вв. и крупный серебряный перстень из погребения 19 с четырехлапчатой плоской жуковиной со стеклянной вставкой (рис. 10,15). Вероятно, такие перстни, правда, с более плоской и низкой чем у предшествующих экземпляров жуковиной, где лапки выражены слабее, существуют и позже середины X в. Отличается оригинальностью серебряный перстень, изготовленный из витой проволоки, с цилиндрической круглой жуковиной, которая по диаметру украшена цепочкой, состоящей из чередующихся трех шариков (рис. 10,3). Типологически близко оформленные жуковины известны на перстнях из погребения 48 салтово-маяцкого некрополя Судак-VI и некрополя IX–X вв. у с. Дачное [23, с. 126, рис. 2,3]. Бронзовый перстень из могилы 275 выделяется наличием четырех небольших стеклянных вставок, расположенных крестообразно вокруг пятой (рис. 10,5). Необходимо отметить, что подобные изделия среди салтово-маяцких древностей полуострова неизвестны. Бронзовый перстень из погребения 129 (рис. 10,4) изготовлен из витой проволоки и имеет коническую жуковину, содержащую стеклянную вставку. Подобные изделия встречаются как в раннесредневековых, так и в позднесредневековых древностях полуострова. Датировать его можно исходя из хронологии погребального комплекса.

Бронзовые **кольца** обнаружены всего в трех погребениях некрополя. В могиле 262 плоский экземпляр украшен расписным орнаментом. В погребении 280 кольцо имеет форму, близкую к восьмиугольной (рис. 10,7). Четыре грани украшены насечками. В могиле 141 (рис. 10,6) полукруглый щиток изделия имеет овальную форму. Датировать все кольца вне погребальных комплексов сложно.

Подвески представлены всего двумя экземплярами. Первая подвеска из могилы 9 (рис. 10,9) представляет собой бронзовое, треугольное, круглое в сечении изделие с массивным ушком и двумя расплюснутыми концами. Вторая подвеска, обнаруженная в могиле 211, по форме напоминает крупную коническую бусину. Точные аналогии подвескам мне неизвестны. К оригинальному типу украшений примыкают и находки двух небольших бронзовых *спиралей* (рис. 10,14),

⁷ Местонахождение трех перстней из могилы 35 мне, к сожалению, неизвестно.

обнаруженных в погребении 114. Подобные украшения хорошо известны как в раннесредневековых, так и позднесредневековых древностях Восточной Европы.

Наиболее массовой находкой некрополя являются бронзовые **пуговицы-подвески**. От одной до 17 штук они обнаружены в 41 могиле всех хронологических групп. Разделяются они традиционно на три основных и две относительно редкие группы. Первая представлена литыми грибовидными экземплярами разных пропорций. Надо отметить, что в погребениях, датируемых позже середины – второй половины XII в., они не встречаются. Вторая группа – литые вытянутые и шаровидные экземпляры и третья – вытянутые и шаровидные, спаянные из двух половинок пуговицы. Они встречены в погребениях всех хронологических групп. В могиле 216 встречена пуговица, состоящая из двух половинок, с опоясывающим валиком и шишечкой на конце. В этом же погребении обнаружено ожерелье из 17 разных по размерам и конфигурации пуговиц-подвесок. Среди них отмечены цельнолитые пуговицы-подвески со щелью и четырьмя и двумя маленькими симметрично расположенными дырочками. Представляет интерес единственный экземпляр литой вытянутой пуговицы-подвески, нижняя часть которой орнаментирована вертикальными линиями. Так же оригинальны три разные по размерам литые пуговицы-подвески, на месте крепления петельки которых расположен биконический выступ. Обнаружены они в погребениях 42 и 275 (рис. 10,31,32). Интересно отметить, что подобные пуговицы, изготовленные из серебра, присутствуют в составе погребального инвентаря склепа, расположенного на склонах Старокиевской горы [24, с. 5, рис. 2,7]. На нескольких экземплярах там, как и на большой пуговице-подвеске из могилы 275, обозначена крестообразная щель. К сожалению, эти изделия не могут являться датирующим материалом и существуют в хронологических рамках погребальных комплексов, где они обнаружены.

Одними из наиболее значимых для датировки находок являются литые бронзовые **бубенчики** с крестообразной щелью. Тулово изделий в нижней части украшено вертикальными линиями, отделенными от верхней части одной или двумя параллельными линиями. Типологически их можно разделить на два основных варианта. Наиболее массовый – изделия классического варианта, описанные выше. Они обнаружены в могиле 4 и 74 (рис. 10,20). В погребении 236 два подобных экземпляра отличаются несколько меньшими размерами (рис. 10,22), а в могиле 42 такой небольшой бубенчик украшен горизонтальными линиями в нижней части тулова (рис. 10,21). Второй вариант бубенчиков с крестообразной щелью представляют аналогичные экземпляры более округлых очертаний без орнаментации. Они обнаружены в могилах 45 (рис. 10,23,24), 51 и 245. В последнем случае бубенчик несколько меньших размеров⁸. Территория распро-

⁸ Тип четырех бубенчиков из погребений 91 и 241 установить сложно, т.к. их местонахождение пока неизвестно.

странения бубенчиков с крестообразной щелью и орнаментацией в виде вертикальных линий чрезвычайно широка. Помимо находок на севере, где они более характерны, и юге Руси [22, с. 96-97], они встречены в материалах самых разнообразных памятников. Это и кочевники Подонья [25, с. 68, рис. 21,6] и болгарские Поволжские поселения, где они считаются привнесенными [26, с. 119-120], и Чудские земли [27, с. 203, рис. 5,15,16]. В большинстве комплексов они датируются в рамках X–XII вв. С. А. Плетнева для огузских и печенежских комплексов верхнюю хронологическую границу изделий не поднимает выше начала XII в. [25, с. 56]. Большинство специалистов считает, что шумящие бубенчики с крестообразной щелью и орнаментацией использовались, чтобы прогонять злых духов [22, с. 96] и были составной частью языческого славянского амулета, во всяком случае, на территории Древней Руси [28, с. 266-267; 29, с. 56].

В погребении 216 в ожерелье, состоящем из пуговиц-подвесок, присутствуют два бронзовых литых шаровидных бубенчика с язычком, имеющие щель в нижней части шарика и декорированные тремя-четырьмя врезными линиями, опоясывающими шарик по центру. Такие бубенчики характерны, прежде всего, для салтовских древностей юго-восточного Крыма, но продолжают существовать, очевидно, и в конце X в.

Вторую, малочисленную категорию бубенчиков составляют экземпляры, спаянные из двух половинок. Они обнаружены в могилах 275, 17 (рис. 10,29) и 19. В последнем случае это лишь верхняя половинка. Данный вид бубенчиков характерен как для раннесредневековых, так и позднесредневековых древностей.

Остальные категории украшений представлены единичными экземплярами. Это две бронзовые *копоушки* с петлей для подвешивания, происходящие из погребения 241 и бронзовая *ворварка*, найденная в могиле 160. По справедливому замечанию С. А. Плетневой, в степях Евразии подобные украшения продолжали бытовать до конца X в. [21, с. 217]. Дополнительным аргументом в пользу этого является находка ворварки в материалах зольника второй половины X – начала XI вв. на участке куртины XV Судакской крепости [17, с. 236, рис. 14,10]. *Накладки* обнаружены в погребениях 4 и 136 (рис. 10,13). Первая представляет собой серебряное изделие в виде цветка. Типологически близкие накладки обнаружены в уже упоминавшемся склепе на склонах Старокиевской горы [24, с. 5, рис. 2,5]. В могиле 136 присутствует 6 одинаковых бронзовых накладок в виде треугольников, вершины которых украшены треугольниками из трех спаянных шариков. Верхние шарики на углах имеют сквозные отверстия.

Наиболее массовыми украшениями являются *бусы*, обнаруженные в 41 погребении. Общее их документированное число превышает 1700. Зафиксированы они как крупными скоплениями (до 197 шт.), так и более мелкими (до 15 шт.), образывавшими ожерелья разных размеров, и отдельными экземплярами. Взаимовстречаемость бус в комплексе ожерелий, отсутствие или

преобладание определенных типов позволяют выделить несколько хронологических групп ожерелий и использовать их для относительной хронологии групп погребений некрополя Судак-II. К сожалению, до сегодняшнего дня типология крымских бус второй половины X – XIV вв. практически не разработана. Не ставя перед собой такой задачи, мной традиционно используются типологии С. А. Плетневой [19, с. 115-121], З. А. Львовой [11; 30; 31, с. 204], В. Б. Деопик [32], М. Д. Полубояриновой [33, с. 151-190].

К наиболее раннему типу ожерелий можно отнести экземпляры из погребений 15, 57, 93, 174, 275⁹. Основу этих ожерелий составляют глазчатые бусы средних размеров. Отличительной их особенностью, помимо размеров, является чистое прозрачное стекло, рельефные линии, отделяющие один глазок от другого, и сами выпуклые рельефные глазки. Традиционно такие бусы датируются в рамках второй половины X – первой четверти XI вв. [31, с. 204]. Несомненно, что их использовали на протяжении всего XI века. Среди глазчатых бус салтовских памятников юго-восточного Крыма таких бус нет. Рассматриваемые «рельефные» глазчатые бусы в составе ожерелий часто встречены с крупными реберчатыми бусами светлого стекла (могилы 93, 174), расписными пронизками (могилы 15, 93). В комплекс ожерелья из могилы 275 входило одинаковое количество глазчатых бус и биконических и цилиндрических пронизок темного синего стекла, а также реберчатые бусы из египетского фаянса. В этой же могиле обнаружена бусина темного стекла с впаянной бронзовой дужкой для подвешивания и шаровидная бусина, впаянная в небольшую бронзовую ворварку.

Следующий хронологический тип ожерелий состоит из нескольких наборов, отличающихся по составу бусин. Первую группу образуют экземпляры из погребений 4¹⁰, 45 и склепа 1. В отличие от ожерелий первой хронологической группы основу их составляют мелкие глазчатые бусы подтреугольной или овальной уплощенной формы, изготовленные из стекла бордового или фиолетового цвета. Практически всегда они украшены тремя рельефными глазками, изготовленными из стекла светло-желтого цвета. Исходя из этого, в литературе такие бусы часто называют трехбугорчатыми [34, с. 115]. В составе ожерелий первой хронологической группы их нет. Не встречаются они и в погребальных комплексах некрополя позже середины XII в. Наиболее близкими аналогиями являются ожерелья, происходящие из некрополя Саркела – Белой Вежи. Так, в захоронениях 49, 57, погребении 3 на холме 32/8 эти бусы так же составляли основу ожерелья [34, с. 115, рис. 80,1,2]. При этом важно, что согласно письменным источникам,

⁹ Такая же бусина обнаружена в могиле 160. Не исключено, что ожерелье из аналогичных, судя по описаниям, бус происходило и из заполнения могилы 241, но их местонахождение пока мне неизвестно.

¹⁰ В заполнении этой могилы обнаружена ранняя глазчатая бусина средних размеров, не входившая в состав ожерелья, и биконическая вытянутая бусина с орнаментом в виде напаянных полосок, состоящих из мелких шариков.

исторической ситуации и хронологическим разработкам, Беловежский некрополь, оставленный находящимися на службе у Руси гузами-торками [35, с. 60], датируется не позднее 1117 г. Типологически близкие бусы были обнаружены и в составе ожерелий женского погребения около церкви Иоанна Предтечи в Керчи, где датируются не позже первой половины XII в. [36, с. 347]. Аналогии этим бусам отыскиваются и среди стеклянных изделий Киевского Подола, где, в частности, они были обнаружены в составе скопления стеклянных изделий в траншее по ул. Набережно-Крещатицкая [37, с. 137, табл. XV] и в заполнении стекольной мастерской по ул. Оболонская, 1 [38, с. 77], что, безусловно, свидетельствует о масштабности их производства в древнем Киеве. Для того, чтобы говорить об импортном характере этих бус для юго-восточной Таврики, необходим дальнейший поиск аналогий. В составе ожерелий второй хронологической группы встречены отдельные глазчатые бусы, характерные для первой группы (ожерелье 1 из могилы 45), а также самые разнообразные пронизки, биконические уплощенные бусы с широким отверстием, многочастные круглые крупные пронизки. Таким образом, ожерелья первой группы второго хронологического типа можно датировать серединой XI – серединой XII вв.

Вторую группу ожерелий второго хронологического типа представляет экземпляр из погребения 245. В данном случае мелкие глазчатые подтреугольные и уплощенные трехглазчатые бусины, составлявшие основу ожерелий первой группы, встречены вместе с цилиндрическими бусами. Расчленяющие ребра этих бус и вертикальные, и горизонтальные. Таким образом, они образуют рельефную клетку. В литературе они получили название «решетчатых», «сетчатых» или «цилиндрических поперечно-продольно рубчатых» [35, с. 60; 33, с. 129]. В упоминавшемся Беловежском некрополе ожерелье, где данные бусы преобладали, встречено в захоронении 137 [34, с. 129, рис. 89,2]. Как и в первом случае аналогии им известны среди стеклянных изделий Киевского Подола. Обнаружены они в комплексе с описанными выше мелкими глазчатыми бусами [37, с. 137, табл. XV]. В составе ожерелья из могилы 245 «клеточные» бусы преобладают, в ожерелье из могилы 57 некрополя Судак-I – их 4 штуки. Помимо этих бус в составе ожерелий встречены также самые разнообразные экземпляры. Безусловно, ожерелья второй группы можно датировать в хронологических рамках общих для всего второго типа.

Третья группа ожерелий второго хронологического типа представлена экземпляром из могилы 230. Его отличие заключается в присутствии в составе ожерелья глазчатой бусины, характерной для первого хронологического типа ожерелий и небольшой расписной белыми и оранжевыми точками бусины с орнаментом типа «Миллефиори». На основании близкого по составу бусин ожерелья из могилы 43 некрополя у церкви Иоанна Предтечи в Керчи [39, с. 133, табл. 47, 2], саркельских и болгарских экземпляров, правда, с более мелкими

разноцветными точками [33, с. 186, рис. 8,4], и совершенно идентичному экземпляру из состава ожерелья некрополя Десятинной церкви в Киеве [40, с. 168] ожерелья третьей группы можно также датировать в хронологических рамках, общих для всего второго типа.

Ожерелья третьего хронологического типа обнаружены в погребениях 17, 19, 253, состоящие из меньшего количества бусин – в могилах 28, 62, 152. Отличительной особенностью этих ожерелий является отсутствие мелких глазчатых подтреугольных или уплощенных бусин с тремя глазками и большое разнообразие типов бусин, входящих в ожерелье. Датировать ожерелья третьей хронологической группы в большинстве случаев можно только исходя из погребального комплекса, где они обнаружены. В нашем случае они датируются со второй половины XII и до второй половины XIV вв. Дважды, в погребениях 4 и 222, встречены ожерелья, состоящие исключительно из бисеринок и датируемые, исходя из погребального комплекса, в котором они обнаружены.

Бытовые предметы. Эта категория находок очень малочисленна. Изделия из железа представлены двумя, вероятно, сбруйными кольцами, обнаруженными в могиле 209 и в верхнем горизонте заполнения склепа 1, а также фрагментом железной пряжки из заполнения указанного склепа. Датировать их можно только в рамках погребальных комплексов. Бронзовые предметы представлены четырьмя фрагментами бронзовых иголок из могил 28, 101, 161 и двумя наперстками. Один из них, происходящий из могилы 253, изготовлен из тонкой медной пластины с тисненым орнаментом, другой, из могилы 176, является т.н. наперстком или напальчником для стрельбы из лука. Датировать бронзовые предметы, как и железные, можно только в рамках погребальных комплексов. К бытовым предметам можно отнести и находку в погребении 45 небольшого свинцового прясла, которое можно использовать и как груз для сетей. Оригинален и бронзовый проволочный крючок с ушком из первоначального заполнения склепа 1. К бытовым предметам можно отнести и миниатюрный стеклянный сосудик-бальзамарий с двумя петлевидными ручками, обнаруженный в могиле 4.

Детали костюма. Это также малочисленная категория предметов. Во-первых, отметим фрагмент щитка бронзовой пряжки из могилы 83. К сожалению, его фрагментарность не позволяет произвести атрибуцию изделия. Во-вторых – костяная застежка из парного погребения 219. Подобное изделие, но более совершенное по технике исполнения, обнаружено при исследовании Десятинной церкви в Киеве и ныне хранится в Государственном Эрмитаже [40, с. 200, 50]. Датируются эти костяные пуговицы-застежки как ранним, так и поздним средневековьем.

Отдельную категорию находок составляют крупные перламутровые пуговицы, изготовленные из цельных раковин. Изделия орнаментированы прорезными линиями, расходящимися как солнечные лучи от отверстия в центре. По одной

подобной пуговице обнаружено в могилах 19, 114 и склепе 1, по два изделия – в могилах 17 и 241, в погребении 230 их было три (рис. 10,27). Датируются они в широких хронологических рамках. Встречены и в погребениях салтовцев Подонья VIII–X вв. [19, с. 108, рис. 56].

Особого внимания заслуживают три костяные пуговицы, обнаруженные в могилах 245 и 275. Это дискообразные пуговицы с выпуклой лицевой и плоской обратной сторонами. Изделия из могилы 245 украшены концентрической или выпуклой окружностью и одним или двумя рядами концентрических окружностей, расположенных по диаметру. Концентрические окружности пуговицы из погребения 275 разделены прочерченными треугольниками (рис. 10,12). Как показывают археологические исследования, данные изделия были многофункциональными, служившими и как украшения [41, с. 232]. За пределами Таврики аналогичные пуговицы получили распространение в Волжской Болгарии и Древней Руси [42, с. 101; 41, с. 231, рис. 102,10,11,24].

Культовые вещи. Наиболее значимыми в плане хронологии в этой категории являются бронзовые *энколпионы*¹¹.

Энколпион из могилы 133 выполнен в технике черни. Это достаточно известная группа киевских энколпионов. Территория их распространения довольно широка [43, с. 88]. Совершенно аналогичный нашему экземпляру происходит из с. Подсечное возле Переяславля-Хмельницкого и хранится в коллекции Музея истории г. Киева [43, с. 87, рис. 2,5]. Традиционно эти энколпионы датируются в рамках второй четверти XII в. [44, с. 133], но встречаются и в комплексах первой половины XIII в. [43, с. 88].

Верхняя створка энколпиона из могилы 187 отличается миниатюрными размерами. Изображение на створке сильно стерто, но отнесение его к распятию – безусловно. Такие миниатюрные киевские крестики-энколпионы, являющиеся внутренней частью изделия, известны в собрании Музея истории г. Киева. Правда, там представлены обратные створки с рельефным изображением Богоматери-Оранты [43, с. 90]. Не исключено, что исходя из древнерусских аналогий, они могут датироваться рубежом XI–XII вв. [43, с. 91].

Верхняя створка бронзового энколпиона размерами 6,5x4,5 см была обнаружена при осмотре некрополя в 1966 г. на площади квадрата 30. На створке помещено изображение Богоматери-Оранты, выполненное в технике гравировки т.н. «штриховой манерой» [45, с. 114]. Изображение в большой степени стилизованное, но элементы одежды выполнены достаточно четко. На верхнем луче помещены, вероятно, четыре греческие буквы. Из них можно с уверенностью разобрать Ε и Θ. Возможно, это монограмма ΜΕΘΥ. Данные энколпионы традиционно относят к кругу ранних сиро-палестинских. Время их проникновения

¹¹ Анализу Судакских энколпионов, в том числе обнаруженных на территории некрополя Судак-II, будет посвящена отдельная работа.

на довольно широкие территории, в том числе и в Крым, относят к X–XI вв. [45, с. 114-115].

Второй энколпион, обнаруженный в ходе осмотра разрушенных погребений, относится к одному из наиболее распространенных типов киевского производства подобных изделий, относящемуся к т.н. энколпионам с мелким изображением распятия [46] и обратными (зеркальными) славянскими надписями [43, с. 91]. Традиционно эти изделия датируются временем перед нашествием татаро-монгол на Русь, т.е. второй четвертью XIII в. [47, с. 39].

Вторую, значимую категорию культовых находок составляют *кресты-медальоны*, входившие в состав ожерелий. Обнаружены они в погребениях 45 (рис. 10,18), 93 (рис. 10,17) и 230 (рис. 10,19). Первый крест-медальон изготовлен из серого шифера. Аналогия ему известна среди изделий, производившихся в Киеве, где при раскопках ремесленного комплекса на северо-западном участке Киевского Подола (ул. Щекавицкая, 25-27) в заполнении одного из помещений был обнаружен аналогичный крест-медальон [48, с. 94, рис. 14,1; 37, с. 39, рис. 18,2]. Датировать киевское изделие можно в ранних хронологических рамках рубежа X–XI вв. Типологически близкий шиферный крест с похожими орнаментальными мотивами был обнаружен и при раскопках сельского поселения в урочище Ревутово в Каневском Поднепровье, где он датируется не позднее середины XII в. [49, с. 70, рис. 7,3].

Второй крест-медальон, обнаруженный в могиле 93 в комплексе с крупными глазчатыми бусами, изготовлен из костяной пластины подовальной формы. Лучи его прочерчены в виде четырех небрежных лепестков, образующих восьмилепестковую розетку с точкой в центре. Датировать медальон, исходя из наличия рельефных глазчатых бус, можно концом X – первой четвертью XI вв.

Третий медальон происходит из погребения 230. Вероятнее всего, это бронзовая ромбическая рамка для вставного креста, который не сохранился. Типологически близкий экземпляр происходит из склепа на участке барбакана Судакской крепости [10, с. 105, рис. 3,9], датируемого X – серединой XII вв.

Третью группу культовых находок составляют *кресты-тельники*, обнаруженные в погребениях 42, 133 и 216¹². Крестики из могил 216 и 42 небольшие по размерам. Лучи первого из них выполнены в виде трилистника, а средокрестие представлено в форме квадрата. Данные кресты чрезвычайно широко представлены в христианских памятниках Восточной Европы. В частности, типологически близкий экземпляр происходит из раскопок древнерусского поселения XI–XII вв. у с. Бучак на Киевщине [50, с. 66, рис. 9,9].

¹² Судя по полевым чертежам и дневникам М. А. Фронджуло, в заполнении могилы 19 в районе шеи детского костяка находился крупный крест, возможно, энколпион. Совершенно очевидно, что кресты были и в районе шеи детского костяка из могилы 230, и в заполнении могилы 215. К сожалению, местонахождение этих крестов мне выяснить пока не удалось. Не найдены были и их прорисовки.

Характерное отличие нательного креста из могилы 133 заключается в его форме и орнаментации. Форма для отливки типологически близких крестов обнаружена при раскопках Херсонеса [51, с. 104, рис. 1,2]. Как отмечает Т. Ю. Яшаева, подобные по форме кресты встречены на византийских пряжках VI–VII вв. [51, с. 102], да и сама его форма характерна для раннесредневекового времени. Не исключено его вторичное использование погребенным в могиле 133.

Исключительное место среди культовых находок погребального инвентаря могильника занимает фрагмент фаянсовой овальной формы *иконки* с ушком для подвешивания, происходящей из могилы 216 (рис. 10,33). Однако, чрезвычайно плохая сохранность изделия, утрата его половины и, очевидно, сильная стилизация изображения не позволяют произвести его анализ и датировку.

Своеобразным предметом, вероятно связанным с христианским культом, является диск диаметром примерно 13,7 см, изготовленный из алебастра и происходящий из заполнения погребального сооружения 4. В центре его находится круглое углубление диаметром 5,4 см, а по бокам – четыре круглых углубления, но меньшего диаметра (2,9 см), расположенных крестообразно. Между этими последними углублениями – четыре расположенных крестообразно небольших сквозных отверстия. На оборотной стороне присутствует своеобразная ручка для держания или основание для подвешивания. Назначение предмета пока определить сложно.

Следующие три находки связаны, скорее, с культовыми языческими, нежели христианскими традициями. Во-первых, это керамическая писанка, обнаруженная в погребальном инвентаре могилы 4 [17, с. 220, рис. 8,12]. Эти изделия хорошо известны среди древнерусского материала XI–XII вв. [37, с. 107; 52, с. 453, рис. 107,1]. Судя по находкам форм для их отливок, происходящим из Киева [53, с. 109-111], подобные вещи изготавливались на территории Киевской Руси уже с середины XI в. [54, с. 92-98].

Вторая находка – уникальный кубический, с отверстием и закругленными углами амулет, изготовленный из гагата. Автор раскопок датировал его IV–V вв. [5, с. 149]. На боковых гранях амулета прочерчена посвятельная греческая надпись. Переводить ее можно по-разному – «на счастье», «вот судьба». Не исключен перевод надписи как посвятельной Богине счастья или случая [55, с. 1265, 1266]. Об этом, возможно, свидетельствует повторная η , прочерченная через черту.

В качестве своеобразных амулетов использовались и раковины каури. Одна или две раковины обнаружены в могилах 4, 62 и 241. Выделяются погребения 17 и 216, где обнаружено, соответственно, 5 и 9 раковин, входивших в состав ожерелий. Общеизвестно, что раковины каури встречаются, в основном, в детских погребениях. Подтверждают это и материалы данного некрополя, где из пяти случаев находок три приходятся на детские погребения, а два – на детские костяки в могилах 216 и 241.

Анализ погребального инвентаря позволяет выделить несколько хронологических групп погребальных сооружений и проследить динамику функционирования этого наиболее полно исследованного плитового некрополя юго-восточного Крыма. При таком подходе он может стать эталонным погребальным памятником наиболее темного периода истории Сугдеи – XI – первой половины XII вв.

Нет сомнений, что первоначально на территории некрополя возникает каменный склеп 1, над которым впоследствии была возведена одноапсидная часовня. По мнению И. А. Баранова, склеп связан с погребением известного по письменным источникам хазарского тархана Юрия, крещенного Св. Стефаном Сурожским [56, с. 28]. Противоположную точку зрения высказал в последнее время С. Б. Сорочан. По мнению исследователя, отрицающего существование в Крыму праболгарского варианта салтово-маяцкой культуры, склеп 1 – типичный провинциально-византийский ромейский мавзолей [57, с. 434, рис. 122]. Без данных антропологического анализа первоначального погребения и та, и другая точка зрения будут не более, чем гипотезами. Так или иначе, перед нами погребальное сооружение, характерное для населения, оставившего материальную культуру юго-восточного, восточного, юго-западного и северо-западного Крыма VIII – первой половины X вв. Несомненна и знатность погребенного. Согласно данным погребального инвентаря, склеп возникает в период второй половины IX – первой половины X вв.

Анализ погребального сооружения, его месторасположения на некрополе и погребального инвентаря позволяет четко выделить один из самых ранних типов могил некрополя второй половины X – первой четверти XI вв. Прежде всего, это прямоугольные плитовые захоронения, сложенные из обработанных блоков песчаника на известковом растворе (рис. 5). На территории некрополя они образуют в некоторых местах рядовку (могилы 55, 57-58, 63, 72, 75, 79). Сюда же следует отнести и все погребения, расположенные на площади пристройки к храму (могилы 212, 218-219, 221, 223, 224, 243). К ранней группе относятся могила 8, склеп, перекрытый плитовыми и грунтовыми могилами 121-123 и 147, могилы 15, 93, 138, 141, 174, 253. Почти все погребения одноярусные или двухъярусные, встречаются и парные захоронения. Много среди них склепов. Критериями для ранней датировки являются, во-первых, перекрытие могилой 58 очага салтово-маяцкого времени; во-вторых, наличие отдельных вещей, характерных для салтово-маяцких погребений юго-восточного Крыма – крупных глазчатых бус (могила 253), ворварки, бронзового браслета с расширяющимися концами (могила 141); в-третьих, преобладание в ожерельях «рельефных» глазчатых бус, датируемых в рамках второй половины X – первой четверти XI вв. (ожерелья первой хронологической группы); в-четвертых, перекрытие или перестройка могил плитовыми могилами более позднего времени (могила 8), иногда с датирующими находками (могила 24). Не исключено, что на самом раннем этапе некрополь

Судак-II был двубрядовым. Об этом свидетельствует грунтовое погребение 184, перекрытое плитовой могилой 172. Последняя по конструкции и занимаемому на некрополе месту относится к XI–XII вв.

Достаточно четко выделяется следующий, второй, хронологический тип погребений некрополя, наиболее многочисленный. Основанием для этого служит и конструкция погребального сооружения, и многочисленный погребальный инвентарь. Морфологически среди этих могил выделяются два типа могил. Это плитовые захоронения подпрямоугольной формы, несколько сужающиеся к ногам. Всего их исследовано 21 – это могилы 4, 13, 25, 30, 42, 43, 62, 80, 88, 90, 95, 114, 130, 131, 146, 148, 149, 154, 172, 202, 236, 241, 249, 251, 252, 264, 266, 275. Короткая восточная, а иногда западная, и длинные стенки сложены из поставленных на ребро крупных монолитных плит сланца [58, с. 101-103]. Западная же короткая стенка, сложенная из пиленых блоков песчаника, поставленных вертикально, представляет собой полукружие различной конструкции, в связи с чем, можно выделить пять вариантов [17, с. 217-219]. Обряд погребения в плитовых могилах всех вариантов стабильный (рис. 6; 7).

Второй морфологический тип образуют т.н. ладьевидные (могила 45) (рис. 8, 12) и прямоугольные склепы с закруглениями в западной части (могилы 74, 245) (рис. 6, 4). В эту же группу входят и самые разнообразные по конструкции могилы (рис. 8). Объединяют их единые хронологические рамки существования. Расположены они практически по всей площади некрополя, что позволяет говорить о том, что в основном могильник Судак-II в это время уже сформировался. Критериями для выделения этого хронологического типа служат: во-первых, присутствие в захоронениях стеклянных браслетов (могилы 4, 9, 16, 21, 30, 42, 82, 134, 136, 146, 150, 151, 152, 216, 227, 236, 245, 262); во-вторых, присутствие крупных бронзовых бубенчиков с крестообразной щелью (могилы 4, 42, 45, 51, 74, 236, 245); в-третьих, находки предметов киевского производства (пуговицы – могила 245, писанка – могила 4, шиферный крест – могила 45); в-четвертых, находки датируемых парных сережек (могила 275); в-пятых, наличие ожерелий второй хронологической группы (могилы 4, 45, 230, 245). Все перечисленные находки существуют в рамках второй половины XI – первой половины XII вв. Вероятно, этим временем следует датировать и данную хронологическую группу погребений. Более дробное хронологическое членение захоронений внутри этой группы – дело будущего.

На основании немногочисленного погребального инвентаря и месторасположения на могильнике можно выделить группу захоронений XII – первой половины XIII вв. Морфологически они разнообразны, присутствуют как одиночные плитовые могилы, составленные из блоков сланца, так и коллективные склепы, и парные погребения. Располагаются они в разных частях некрополя. Критериями для выделения этой хронологической группы служат: во-первых, отсутствие в погре-

бальном инвентаре категорий вещей, характерных для второй хронологической группы; во-вторых, находка двусторчатого энколпиона XII–XIII вв. в заполнении могилы 133; в-третьих, присутствие ожерелий третьего хронологического типа (могилы 17, 19, 253, 28, 62, 152) (рис. 9). Часто погребения с подобным инвентарем составляют наиболее поздние ярусы погребенных в могилах второй, а, иногда, даже первой хронологической группы (могилы 62, 252). Иногда эти погребения совершены в плитовых могилах более раннего времени, для чего длинные стенки были доложены одним или двумя рядами камней (могилы 6, 7).

Следующую группу составляют плитовые (могилы 44, 216) и обложенные камнем захоронения второй половины XIV – XVI вв. Расчленив их хронологически из-за минимального количества погребального инвентаря сложно. В основном, они располагались внутри склепов первого хронологического периода или между рядами более ранних могил, иногда частично или полностью перекрывая их. К этому же хронологическому периоду относится и большая часть грунтовых могил (56 могил), также перекрывающих более ранние захоронения. В этой работе они не рассматриваются. Вероятнее всего, храм в это время (со второй половины XIV в.) уже не функционировал. Основные категории находок – единичные бронзовые кольца, пуговицы-подвески, редко – бронзовые кресты-тельники. В этих погребениях встречены фрагменты тканей от одежды, кожи от обуви, которые при геофизических характеристиках почв Судакской долины в более ранних погребениях практически никогда не сохраняются.

Последнюю категорию могил составляют захоронения в деревянных трапезиевидных гробах (32 могилы). На основании находок нательных крестов и памятной медали с датой 1795 год они датируются не ранее середины XVIII в. и в данной работе не анализируются.

Как уже указывалось, в середине IX в. историческая топография Сугдеи претерпевает определенные перемены. Именно в это время и возникает крупный городской некрополь Судак-II на юго-западном участке посада. Он остается основным городским могильником и во второй половине X – начале XI вв., выполняя эту роль и во второй половине XI – XII вв. В этот период некрополь расширяется. Продолжает он функционировать и в первой половине XIII в., правда интенсивность захоронений значительно падает. Во второй половине XIII – первой половине XIV вв. возникает большинство прихрамовых и городских некрополей средневековой Сугдеи. Основной же городской некрополь Судак-II постепенно перестает использоваться. Грунтовые погребения этого времени на могильнике единичны и чаще всего перекрывают предшествующие захоронения.

Таким образом, материалы средневековых городских некрополей Сугдеи существенно и объективно дополняют наши сведения об истории этого уникального археологического памятника.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Махнева О. А.* О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
2. *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
3. *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
4. *Айбабин А. И.* Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
5. *Фронджуло М. А.* Раскопки в Судак // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
6. *Баранов И. А.* О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
7. *Баранов И. А.* Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1991.
8. *Jelovina D.* Starohrvatske nekropole. Split, 1976.
9. *Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. Киев, 1993.
10. *Баранов И. А.* Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. Киев, 1991.
11. *Львова З. А.* Стекланные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
12. *Шапова О. Л.* Стекланные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
13. *Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.* Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
14. *Айбабин А. И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
15. *Баранов И. А., Майко В. В.* Византийские монеты середины X в. из Сугдеи // Stratum plus. Время денег. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. № 6.
16. *Майко В. В.* Керамічний комплекс населення південно-східного Криму другої половини X ст. // Українське гончарство. Опішне, 1999. Т. 4.
17. *Майко В. В.* Сугдея во второй половине X – начале XI вв. // Сугдейский сборник. Киев, 2004.
18. *Кропоткин В. В.* О производстве стекла и стекланных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси // КСИИМК. 1957. Вып. 68.
19. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.
20. *Айбабин А. И.* Степь и юго-западный Крым. Крым в X – первой половине XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. М., 2003.
21. *Плетнева С. А.* Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
22. *Моця О. П.* Населення південно-руських земель IX-XIII ст. Київ, 1993.
23. *Майко В. В.* Средневековый плитовый могильник в с. Дачное Судакского района // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак, 2004.
24. *Боровський Я. Є., Калюк О. П.* Дослідження Київського дитинця // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984-1989. Київ, 1993.
25. *Плетнева С. А.* Печенеги и гузы на Нижнем Дону. М., 1990.
26. *Казаков Е. П.* Булгарское село X-XIII веков низовий Камы. Казань, 1991.
27. *Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А.* Средневековые памятники Чуди Заволоцкой // СА. 1984. № 4.
28. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.

29. *Рябинин Е. А.* Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М., 1988.
30. *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладоги // АСГЭ. 1968. № 10.
31. *Львова З., Лесман Ю., Рябцева С.* Намисто // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ, 1996.
32. *Деопик (Ковалевская) В. Б.* Классификация бус Юго-Восточной Европы VI-IX вв. // СА. 1961. № 3.
33. *Полубояринова М. Д.* Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. М., 1988.
34. *Артамонова О. А.* Могильник Саркела – Белой Вежи // МИА. 1963. № 109 (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III).
35. *Артамонов М. И.* Саркел – Белая Вежа // МИА. 1958. № 62 (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I).
36. *Макарова Т. И.* Комплекс украшений из разрушенного женского погребения около церкви Иоанна Предтечи в Керчи // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
37. *Сагайдак М. А.* Давньокиївський Поділ. Київ, 1991.
38. *Сергеева М. С.* Стекольная мастерская на северо-западной окраине Киевского Подола // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. Тез. доп. Київ, 1991.
39. *Макарова Т. И.* Боспор – Корчев // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. М., 2003.
40. Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ, 1996.
41. *Закирова И. А.* Косторезное дело Болгара // Город Болгар. М., 1988.
42. *Сергеева М.* Кістяні та дерев'яні вироби з колекції "Десятинна церква" у збірці НМІУ // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ, 1996.
43. *Пекарська Л. В., Луцко В. Г.* Давньоруські енколпіони в збірці Музею історії м. Києва // Археологія. 1989. № 3.
44. *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси // ВВ. 1958. Т. 14.
45. *Залеская В. Н.* Прикладное искусство // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. СПб., 1994.
46. *Яшаева Т. Ю.* Древнерусские энколпионы из раскопок византийского Херсона // Nomos. Krakow, 1999/2000. № 28/29.
47. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
48. *Ивакин Г. Ю., Степаненко Л. Я.* Раскопки в северо-западной части Подола в 1980-1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978-1983 гг. Киев, 1985.
49. *Петрашенко В. О.* Давньоруське село за матеріалами поселення в Канівському Подніпров'ї // Археологія. 1999. № 2.
50. *Петрашенко В. О., Козюба В. К.* Давньоруські поселення поблизу с. Бучак // Археологія. 2005. № 2.
51. *Яшаева Т. Ю.* Формы для отливки крестов из раскопок Херсонеса // Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. Севастополь, 2004.
52. *Кучера М. И.* Керамика // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3.
53. *Боровський Я. Є.* Світогляд давніх киян. Київ, 1992.

54. Шовкопляс Г. М. Керамічні писанки з колекції Київського Державного історичного музею // Археологія. 1981. № 35.
55. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. 5-е изд. СПб., 1899 (репринт 1991 г.).
56. Баранов И. А. Таврика в составе Хазарского каганата: Автореф. дис. ... д.и.н. Киев, 1994.
57. Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Ч. 1. Харьков, 2005.
58. Майко В. В., Фарбей А. М. Об одном типе плитовых могил средневековой Сугдеи // Проблемы греческой культуры. Симферополь, 1997.

Majko V. V.

**The City Necropolis of Sudak-II
on the Trading Quarter of Medieval Sogdaia**

Summary

In the article the city necropolis of medieval Sudak, Sudak-II, which was researched in 1964-66 by M. A. Froncgylo, and in 1982 by I. A. Baranov has been analyzed for the first time. The analysis of grave goods, construction of burials and their location on the necropolis, enable us to distinguish several chronological groups of burials. They allow to trace the necropolis dynamics of functioning and give the unique objective information about existence of medieval Sudak during each of its periods. It is a really urgent problem especially for the period of the 11th – the first half of the 13th centuries which has been insufficiently researched on the territory of the medieval city.

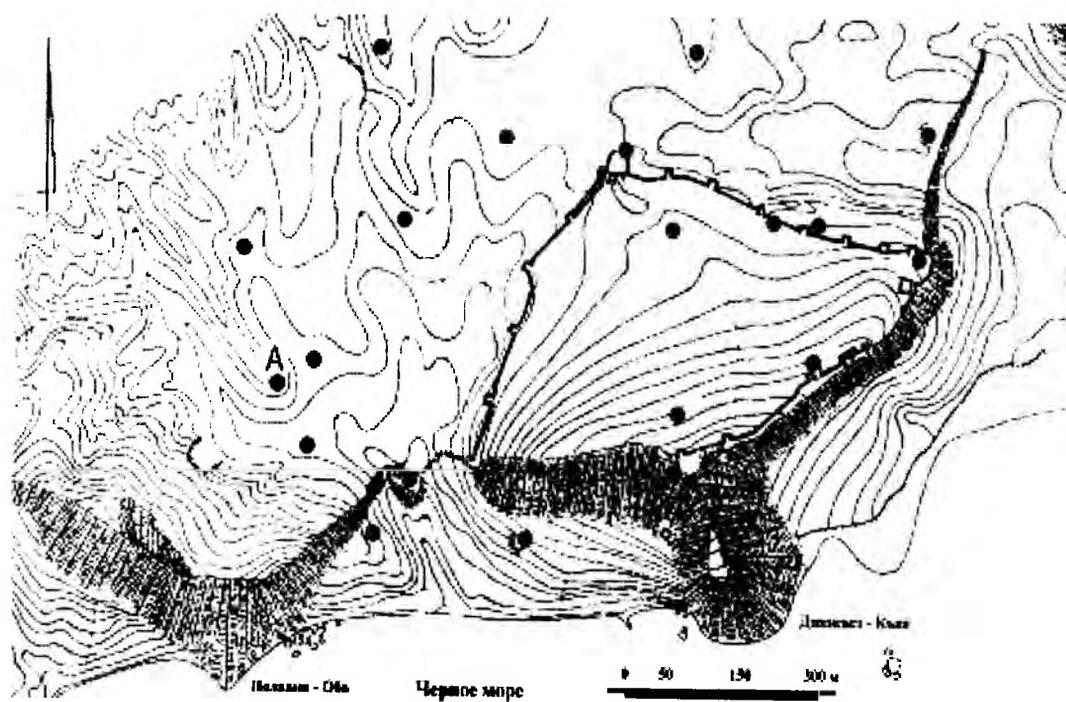

Рис. 1. Месторасположение некрополя Судак-II (A).

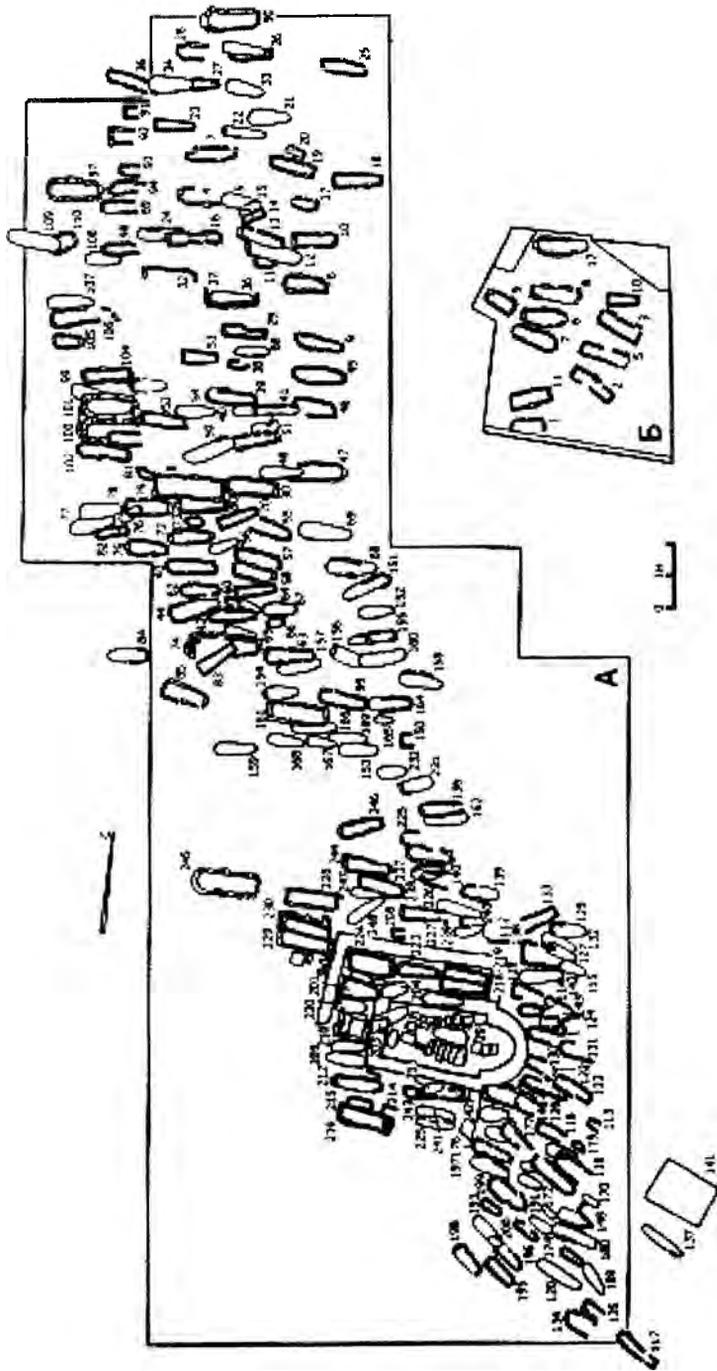

Рис. 2. Общий план некрополя Суда-II.
А — раскоп М. А. Фронджуло; Б — раскоп И. А. Баранова и В. Г. Тура.

Рис. 3. Общий вид некрополя Судак-II с севера.

Рис. 4. Общий вид центральной части некрополя Судак-II.

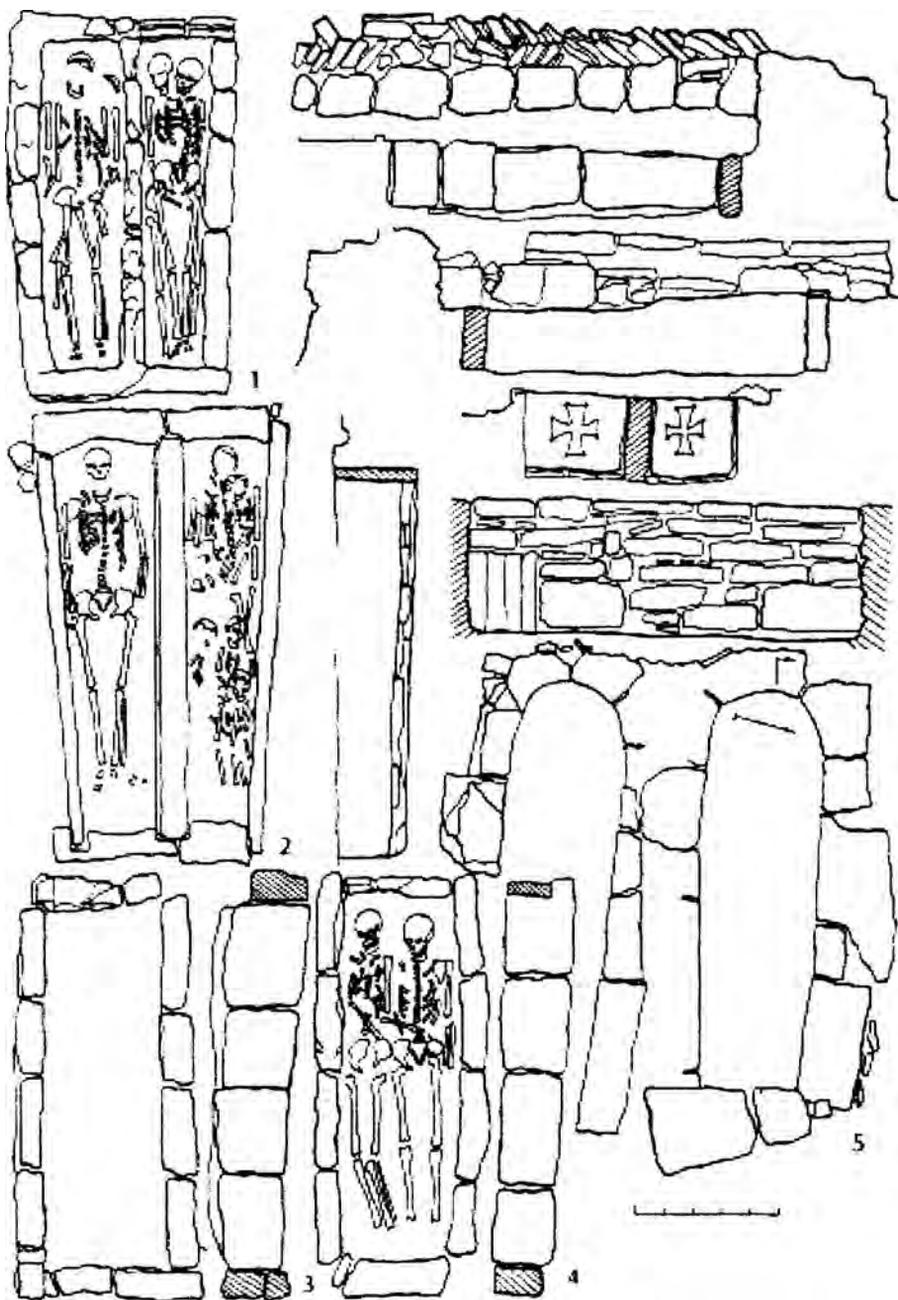
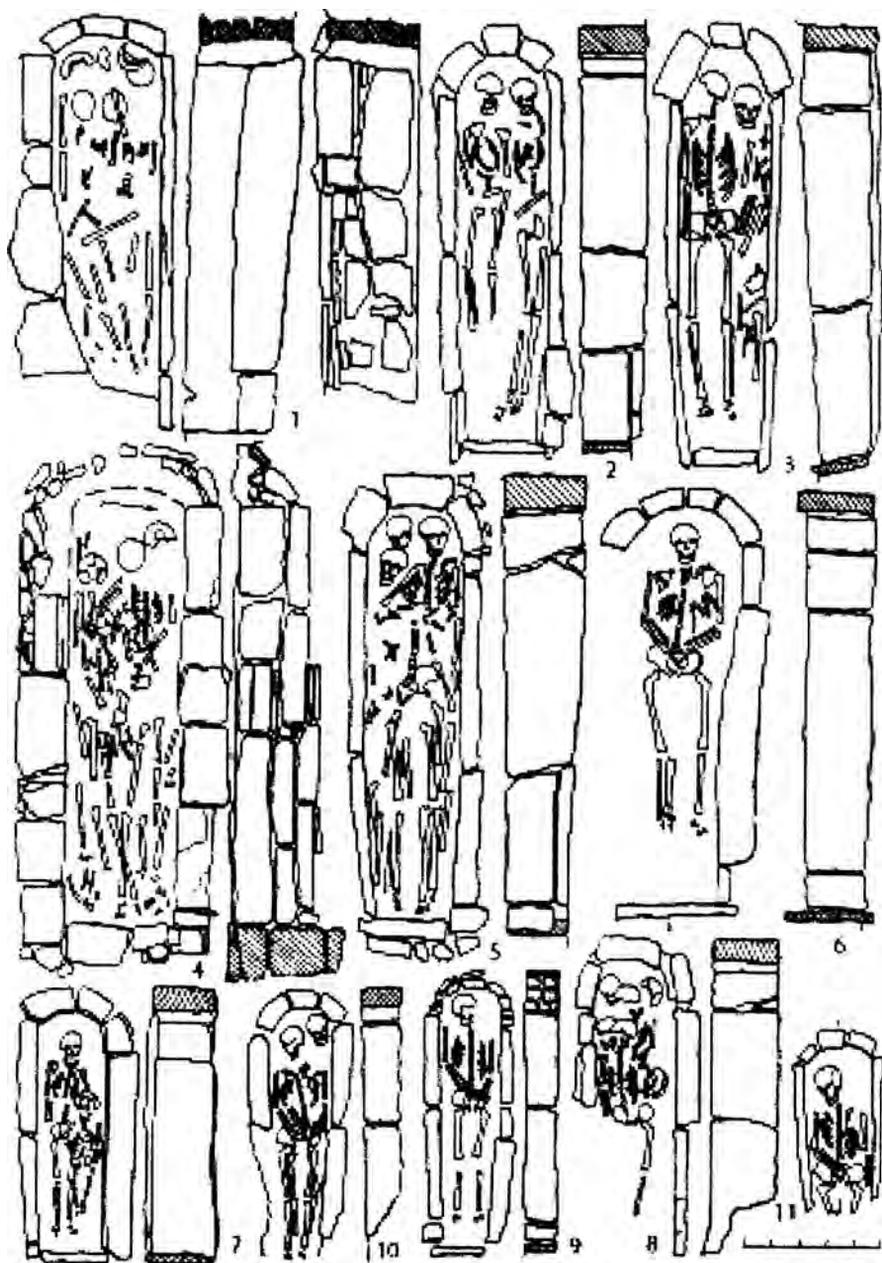

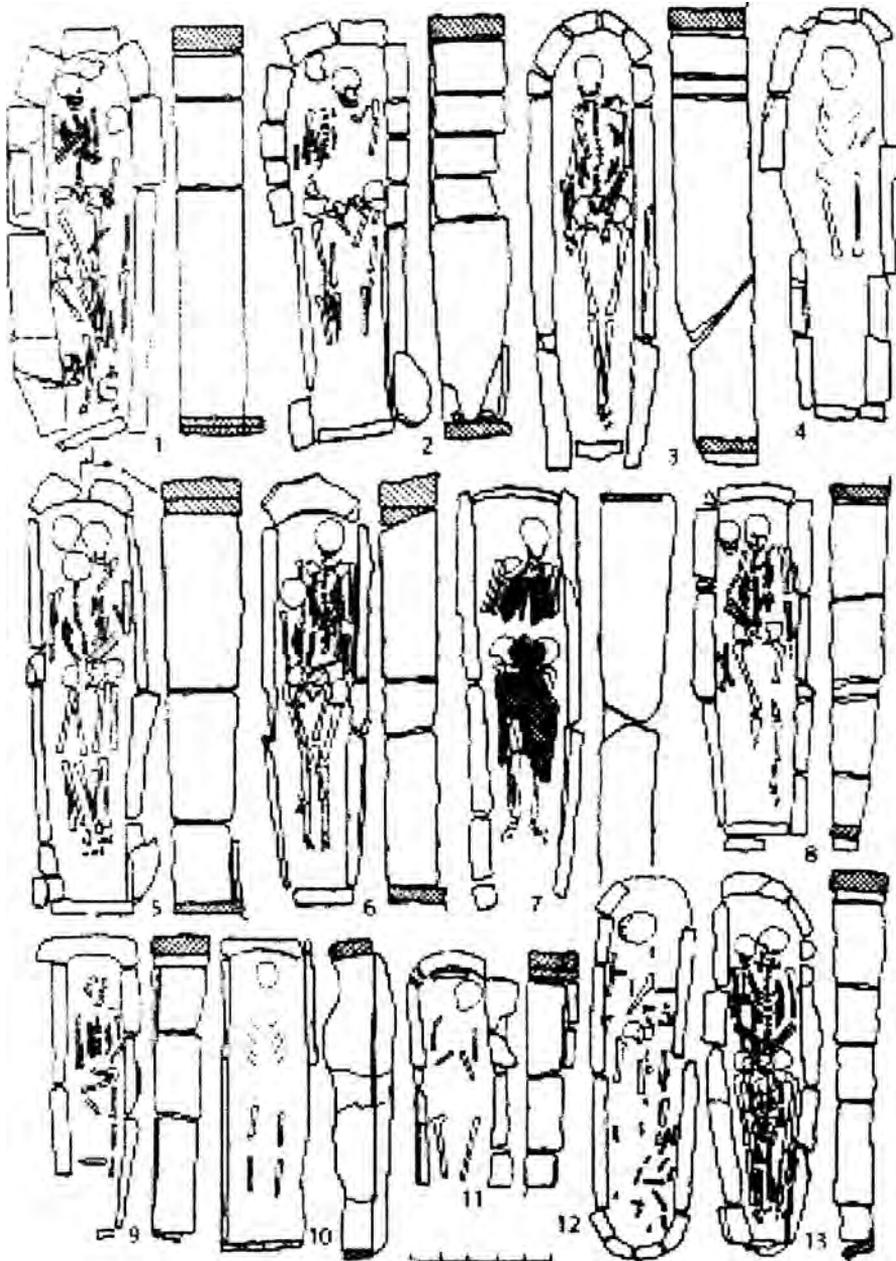
Рис. 5. Погребения 1 и 2 хронологических групп.

1 – мог. 218, 219; 2 – мог. 229, 230; 3 – мог. 224; 4 – мог. 79; 5 – мог. 100, 101.

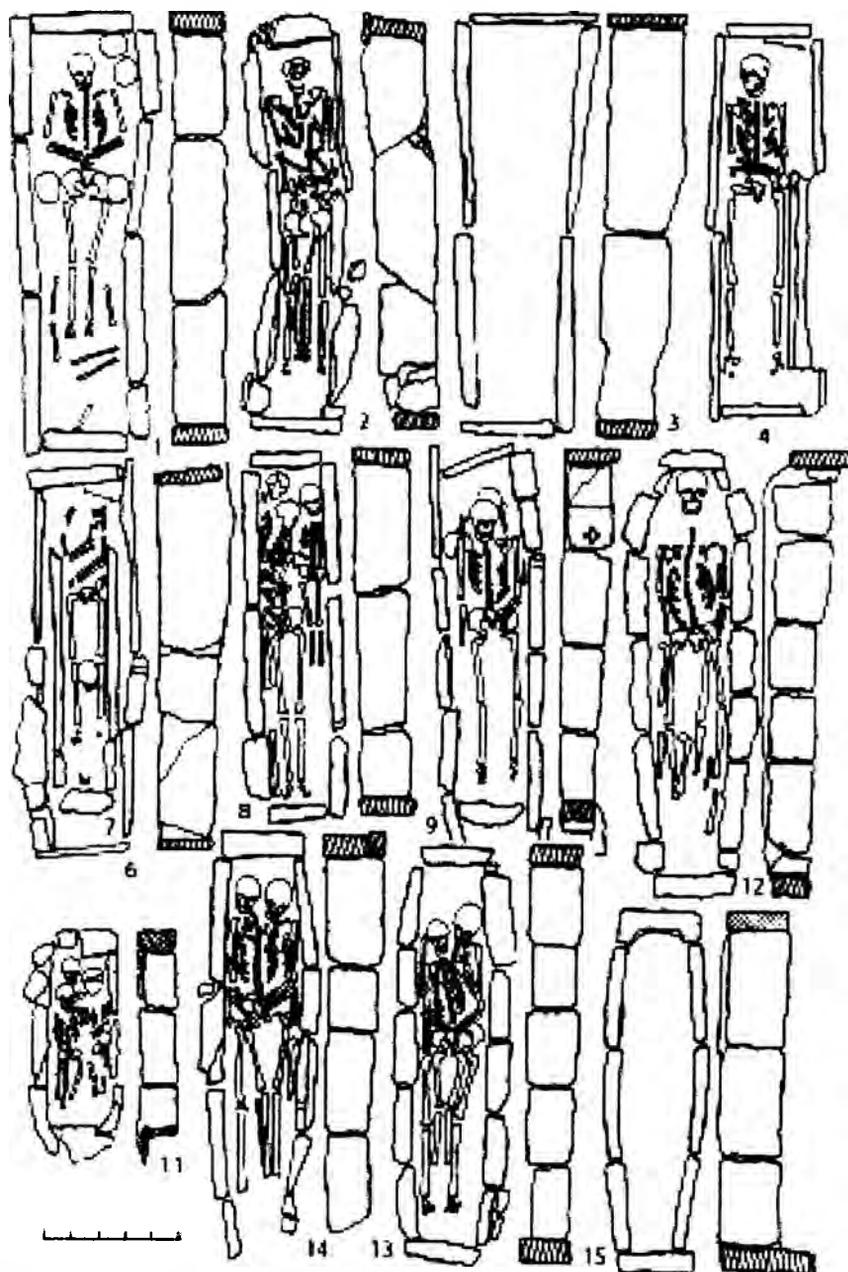

Рис. 6. Погребения 1-3 хронологических групп.

1 – мог. 4; 2 – мог. 80; 3 – мог. 172; 4 – мог. 245; 5 – мог. 30; 6 – мог. 90;
7 – мог. 202; 8 – мог. 28; 9 – мог. 154; 10 – мог. 62; 11 – мог. 93.

Рис. 7. Погребения 2 хронологической группы.
1 – мог. 43; 2 – мог. 241; 3 – мог. 251; 4 – мог. 252; 5 – мог. 249;
6 – мог. 25; 7 – мог. 95; 8 – мог. 13; 9 – мог. 266; 10 – мог. 164;
11 – мог. 114; 12 – мог. 273; 13 – мог. 42.

Рис. 8. Погребения 1-3 хронологических групп.

1 – мог. 161; 2 – мог. 16; 3 – мог. 262; 4 – мог. 271; 6 – мог. 10; 7 – мог. 82;
8 – мог. 19; 9 – мог. 52; 11 – мог. 17; 12 – мог. 45; 13 – мог. 164; 14 – мог.
35; 15 – мог. 223.

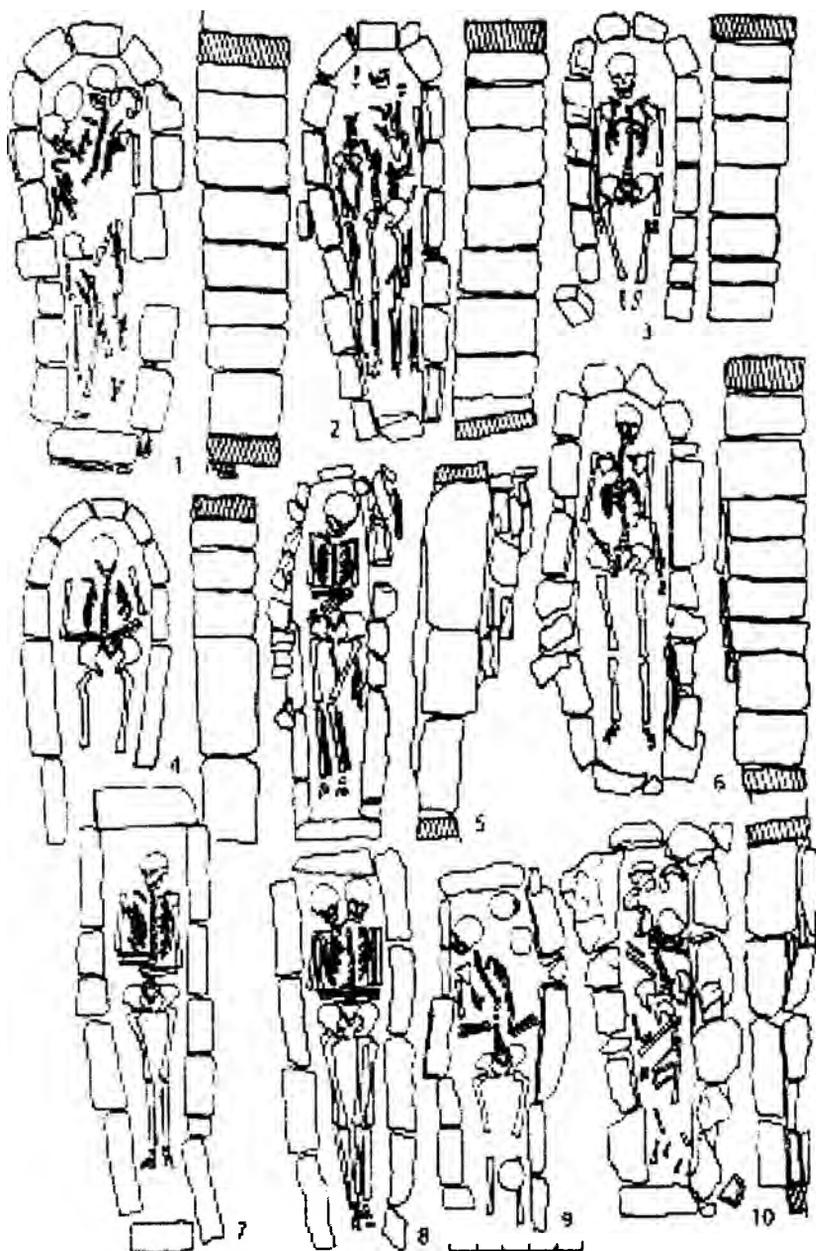
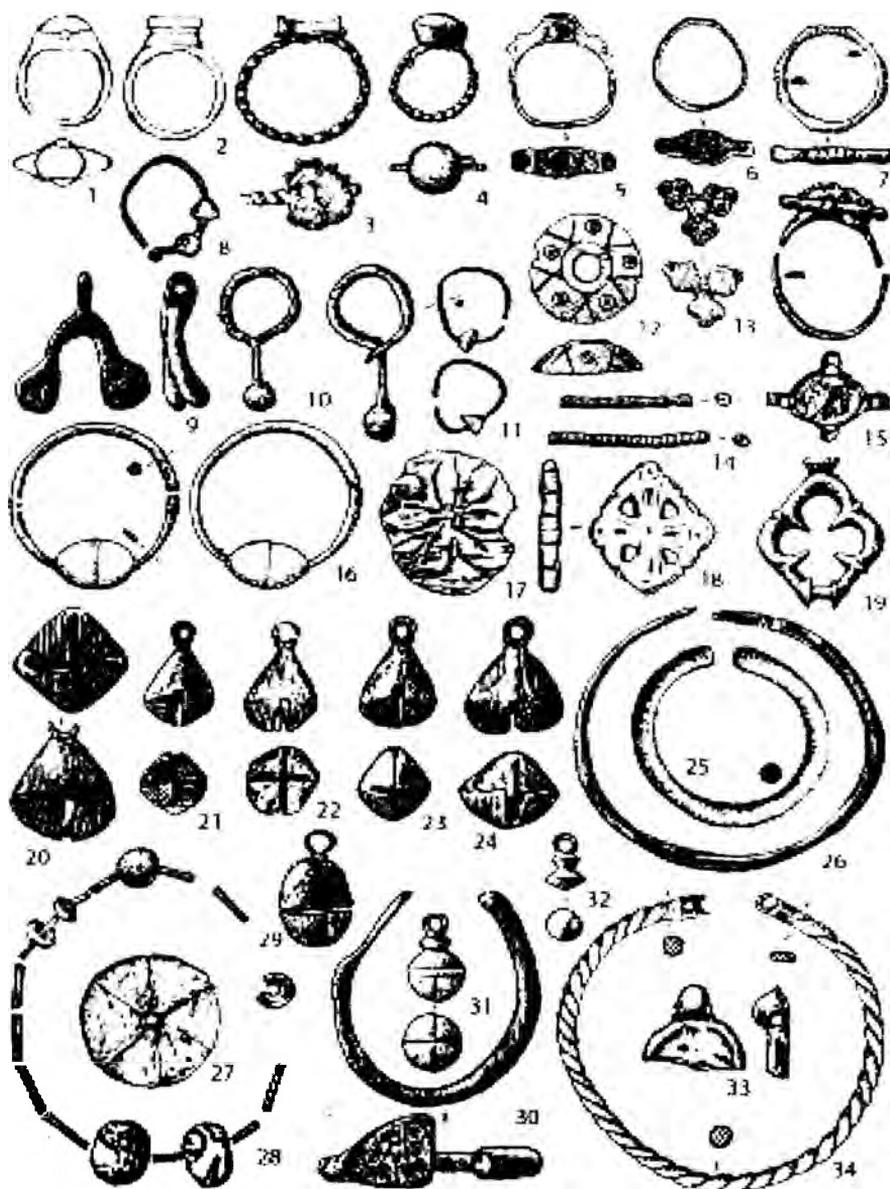

Рис. 9. Погребения 2 и 3 хронологических групп.

1 – мог. 236; 2 – мог. 5 (некрополь у куртины XV Судакской крепости);
3 – мог. 88; 4 – мог. 149; 5 – мог. 9; 6 – мог. 199; 7 – мог. 133; 8 – мог.
63; 9 – мог. 136; 10 – мог. 6.

Рис. 10. Основные группы погребального инвентаря.

1, 2 – склеп I; 3 – мог. 28; 4 – мог. 129; 5, 12, 16, 31, 32, 34 – мог. 275; 6, 25 – мог. 141; 7 – мог. 280; 8 – мог. 172; 9 – мог. 9; 10, 28, 33 – мог. 216; 11, 29 – мог. 17; 13 – мог. 136; 14 – мог. 114; 15 – мог. 19; 17 – мог. 93; 18, 23, 24 – мог. 45; 19, 27 – мог. 230; 20 – мог. 74; 21, 30 – мог. 42; 22 – мог. 236; 26 – мог. 82.